

В СЕ ПЛАНЫ рухнули сразу же. Когда вылезли из поезда, кругом лежал чистый, сверкающий покров снега. Искрящиеся ветви деревьев гибли под его тяжестью почти до земли. Влады снесли горы, тоже усыпанные снегом.

Тут же на станции начали спешно надевать теплую одежду. Павел, укутывая сестру шарфом, неутомично тараторил, словно успокаивая самого себя.

— Ничего-ничего, мужики. Ладно — снег... Там посмотрим, что и как. В крайнем случае залезем только на Лопатина и сразу вниз, обратно. Нам сейчас главное — до Тьмы добраться.

«Мужики», Юрка и Лешка, одному шестнадцать, другому пятнадцать лет, недовольно нахмурились и ничего не ответили. Поход явно начинался без особого оптимизма.

Павел с самого начала, еще в Южно-Сахалинске, делал ставку на то, что снега на севере острова в начале ноября еще нет. Исходя из этого и маршрут разработали — ого! Очень хотелось Павлу залезть на гору Лопатина, для того и из Владивостока приехал — отпросился в деканате института якобы по семейным обстоятельствам. Летом-то ему недосуг было домой заглянуть. Все как-нибудь проматывался он по чужим горам, по разным «алтаям» да «тунгшаням», а на овою-то родную вершинку времени не нашёл. Зато приехал — орел орлом. Где тут, мол, у вас... Лопатина? Что? Какая высота? Тысяча шестьсот девять метров?

Да а ее одной левой... И поехали.

Уже тогда, когда на станции вылезли в снег, было ясно, что надо поворачивать назад. Почему они не вернулись? Видно, такая уж поддалась группа, что каждому было стыдно стать инициатором отступления, да и огромное тщеславие Павла давило

МГ
21.11.92

на всех с цепомедной силой. Молча они и пошли на это восхождение.

Через два дня упорной борьбы с глубоким снегом добрались до верховьев Тьмы. Здесь она была совсем небольшой, и вброд переправлялись сравнительно легко.

Заночевали в старой охотничьей избушке, которую без труда обнаружили в выцветшем лесу. У костра, разложенного перед входом, было тепло и спокойно. Юрка — весь жаркий, веселый — ухаживал колотом кем-то давно напильные березовые чурбаны.

— Завтра, наверное, будем на вершине — полувтвердительно, полувопросительно произнес начался Павел, — тут километров пятнадцать... Я троюлю. Так что Надю придется вам разгружать... — Ну ты и хитрец, —

рассмеялся Лешка, сушивший над огнем подмокший спальник.

— Об чем разговор, Паш! — Юрка воткнул топор и подсел погреться к костру. — Куда мы потом? На север, к Чамгинскому перевалу?

Павел недовольно поморщился, словно глотнув дыма. Взял поленице, ки-

нул в костер, взметнув сноп веселых золотистых искр.

— Не знаю... Там увидим. Алексей слабым голосом заел что-то из любимого «Крематория».

К утру крохотное окошечко в избушке покрылось тусклой корочкой льда Павел, настойчиво растолкав заспанных ребят, вышел из домика на внешний снег и, пображенный шарившим вокруг безмелким дождем, долго стоял неподвижно, слушая струю тайфу. Густой мрак под деревьями постепенно серел, наливаясь робким светом наступающего утра, и отступал в глубину укромных туманом расщелин. Небо на востоке мутной волосою поднималось из-за черных хребтов. Павел, отогревая дыханием стынущие пальцы, начал разжигать костер.

Когда совсем рассвело, тронулись в путь. По ста-

рому высокому мосту перешли речку. Через час лесовозная дорога, по которой шли все эти дни, кончилась, и они двинулись наобум, тропя неглубокий, по колесо, снег.

К полудню, когда Тьма, до этого прямо на глазах мельчавшая и худеющая, окончательно ушла под камни, напоминая о себе

лишь грязными ямами, да дне которых неподвижно стояла стыллая вода, Павел повернул группу направо и по крутому, поросшему березой и стланным отрогу, полез на зависший над их головами гребень плато Константинозича. Поднявшийся ветер рабид облака. Солнце, выгнув в синюю провеху, осветило путников, сидящих высоко на склоне по пояс в глубоком снегу, жмурищихся от яркого света. Лешка и Надя, словно два встрепанных галчонка, — чумазые, мокрые, обалдело таранились слезящимися глазами в синее небо, подставляя мордахи нежданной теплой ласке. Павел, утомленный крутым подъемом, полужелал на ветвях корявой березы и думал о том, как много им еще подниматься...

По ровной поверхности

плато ветер гнал тучи снежной пыли. Гудящие потоки воздуха швыряли уставших людей по каменистым площадкам меж смерзшихся сугробов, задевая лица снегом и пронзивали наизготов тонкую одежку. Солнце, ласкавшее их лишь несколько минут назад, сразу же исчезло в неистовстве пурги. Укрывшись за острым снеговым гребнем, они спешно оделись потеплее. Над их головой неслись снежинки, а под ногами, глубоко внизу, маячили в серой мгле долины.

Начался крутой подъем. Павел, идущий впереди, чувствовал себя все хуже и хуже, глотал снег, хотя и понимал, что этим только добывает себя, и уже очень медленно прокладывал дорогу для остальных. Наконец он обессиленно остановился, опершись руками о склон, и скинул со спины тяжелый рюкзаки. «Все, дальше не смогу, — подумал он. — Ну как стыдно...» Сзади, едва различимые в круговерти снега, тяжело дышала ребятя — тоже были рады неожиданной остановке. Но Павел не слезал и снова, бросив на склоне рюкзаки, ожесточенно топтал ступени в крепком насте.

Казалось, что подъем продолжается целую вечность, и лишь упорный бег секунльной стрелки на часах позволял Павлу не упустить естественный ход времени. Ползали по скалистому гребню, вновь вывалились на изнуряющий снег. Лешка с Надей неохотно поднялись после небольшого перекура — в пустых глазах лишь тоска и бесконечная усталость. А вокруг — белоснежная вечность...

Юрка, побывавший здесь летом, никак не мог вспомнить, куда же надо идти на вершинку, и Павел повел их, ориентируясь лишь по направлению ветра. Наметы снега здесь были поистине грациозны. Свисая карнизом на восток, они сильно затрудняли движение. Дыхание сбивалось, снегом задевало глаза, и ребята, почти ничего не видя, наугад брели куда-то в пустоту, прикрывая руками лица и шатаясь под тяжелой слепой силой ветра. В какой-то момент Павел, ушедший далеко вперед, не уследил за ребятами, и они, по неведению, позволили морозу прихватить их лица. Когда Паша заметил на щеке у сестры корку льда, было уже поздно — все обморозилось, и белые пятна на физиономиях угрожали разрастаться.

И вот, когда стало так неизменно тяжело, когда утомленное тело уже почти отказалось повиноваться и сознанием почти овладело отчаяние, Павел свавоз пологие пурги, где-то над гребнем, увидел серое как призраки, видение триягуляционного знака, точно меч, зависшего над их головами. То была вещь — истина, доказательство которой не требовалось. И она, привлинувшись в вихрях снега, покорно легла под их ноги, когда они наконец выбрались, ничего не соображая, на ее широкую и надежную площадку. Впереди была холодная ночь без еды и питья, лютый холод утра на вершине, долгий спуск, но это не имело для них в тот момент никакого значения.

Денис УРУБКО.
Южно-Сахалинск.